

нулъ старое лѣтнее пальто, служившее ему халатомъ. Онъ упустилъ изъ вида, что и ему будутъ дѣлать визиты. Корневъ невольно улыбнулся. Онъ будетъ принимать гостей! Въ комнатѣ помѣщались только кровать («деревянная, вдобавокъ», мелькнуло у Корнева), да у единственнаго окна стоялъ небольшой столъ и два стула. Для книгъ Корневъ не нашелъ мѣста и разложилъ ихъ въ нѣкоторомъ порядкѣ, прямо на полу.

— Гдѣ онъ?—спросилъ Корневъ безпокойно.

— На крыльцѣ ждетъ... Я ему сказала, что не знай вы дома, не знай нѣтъ...

Корневъ задумался: принять или не принять?

— Я скажу, что васъ дома нѣтъ,—предложила Сашенька лукаво.

— Да, да, да! пожалуйста, скажите,—согласился растерянный Корневъ.

Жгучій стыдъ душилъ его: зачѣмъ онъ ходилъ къ исправнику? И долго шагаль онъ черезъ книги, кусая губы.

— «А ну ихъ къ Богу!»—махнулъ онъ, наконецъ, рукою: «руби дерево по себѣ»,—и взялся за книгу.

Справедливость требуетъ сказать, что Корневъ ни строчки не прочиталъ въ этотъ вечеръ, хотя свѣтъ долго тянулся изъ его окна поперекъ улицы длинной, колеблющейся полосой.

## V.

Квартирная хозяйка Корнева была не какая-нибудь мѣщанка, а «благородная», какъ она отрекомендовалась своему постояльцу. Мужъ ея лѣтъ 40 служилъ по почтовой части и умеръ въ чинѣ губернскаго секретаря.

Анисья Петровна жила крошечной пенсией, работой и постояльцами. Бойкая, говорливая, она хлопотала цѣлый день и отдыхала лишь за чаемъ. Прихлебывая горячій чай, она забывала о всѣхъ домашнихъ дразгахъ и не любила, чтобы ее беспокоили въ это время. За чаемъ у нея вѣчно кто-нибудь бывалъ, и разговоры не умолкали. Говорилось обо всемъ, начиная съ войны и кончая уличными происшествіями. Впрочемъ, у нея былъ избранный кружокъ знакомыхъ — не могла же она водиться со всякимъ — и потому разговоры были довольно однообразны.

Самымъ виднымъ лицомъ въ ея кружкѣ былъ живописецъ Кузьма Мосевъ Серебряковъ, старый другъ ея покойнаго мужа